

Вадим Тулупов

Цифра

<https://litres.ru/74072899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мягко и со вкусом, возможно со вкусом свежих сливок, возможно терпкого вина. Немного вязущий и приятный голос девушки в который уже сегодня раз заставляет всех замолчать.

Долго, всего лишь вечность или навсегда. Никто не знает ответ, но боится нарушить тишину. Тишину, наполненную неистребимым желанием жить, а может быть даже что-нибудь ещё и успеть.

Содержание

Глава	4
Предисловие.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вадим Тулупов

Цифра

Глава

Радость омерзительна.

Предисловие.

Что такое время?

Это просто. Абстрактная величина, требующаяся исключительно для арифметических подсчетов. Но, если быть точнее...

Время – есть индикатор состояния системы в циклических процессах. Исключительно циклических. И никаких более.

Для нециклических процессов время применимо лишь как показатель изменения взаимного расположения составляющих их объектов за выбранный для ориентира интервал процессов циклических, что по сути являет собой понятие скорости.

В философском же смысле к понятию времени принято подмешивать ощущение фатальной неизбежности и брэнности всего сущего, как непосредственной перспективы на ближайшее будущее.

Научное сообщество такое положение дел называет «стрелой времени», обозначая сие как увеличение энтропии (количества беспорядка) в системах. Известно это всем как вто-

рой закон термодинамики.

Время = (равно) неизбежность.

Глава 1.

Неизбежность.

Они возвращались. Глубокий холодный космос остался позади. Земля же появилась за стеклом иллюминатора внезапно и огромной голубой глыбой повисла перед кораблём. Она приковала к себе его взгляд и не отпускала, наполняя душу воспоминаниями и ожиданием встречи. Сколько он не был дома? Два месяца? А кажется уже целый год. «С этим временем что-то не так», – мысль возникла сама по себе, но тут же затерялась среди других.

- Платон Сергеевич, - кто-то настойчиво стучал в дверь.
– Шелепихин...

Платон неохотно шевельнул плечами, будто смахивая тем самым окутавшую его вуаль сентиментальности и постарался придать своему лицу строгое, подобающее старшему научному сотруднику выражение.

- Заходи уже, хватит дверь ломать, - бесхитростно наконец провозгласил он и позабыв про своё с таким трудом ему давшееся сосредоточенно-задумчивое выражение, тупо уставился на дверь.

Вошедший, как оказалось, ничего от Платона не хотел. Он

молча ввалился внутрь каюты, громыхнув на повороте каблуками тяжёлых летних ботинок, и сел в чём был прямо на его незаправленную кровать. Впрочем, Платону такой подход даже пришёлся по душе. Постель была ему уже не нужна. Всё. В стирку. Космопорт и домой.

Нехотя проследив за движениями гостя, Платон молча отвернулся к окну, наблюдая за неумолимо приближающейся к кораблю родной планетой. Здраваться не было необходимости. Вошедшим был его друг и коллега Григорий Трещёв.

- Мы видим мир не таким, какой он есть, Плат, - Григорий также повернул голову к окну, давая своим видом понять, что не собирается далее никому пояснять свою мысль, если его об этом дополнительно не попросить.

- То, что ты говоришь, это чудовищно, - заметил Платон, постаравшись придать своей интонации заинтересованное выражение, потому что так оно и было. - Однако, нужно быть аккуратней с этим.

Мужчины долго и проникновенно молчат. Первым решается-таки заговорить Шелепихин.

- Радость омерзительна, - твёрдым, не допускающим никаких сомнений голосом, произносит он и всем телом поворачивается к коллеге.

- Кто это сказал? – на всякий случай уточняет Трещёв.

- Здесь есть кто-то ещё? – с издёвкой в ответ вопрошает Платон и прищуривается в еле заметной усмешке. - Или я может быть недостаточно умён для этого с твоей точки зрения?

- Я бы сказал: «...недостаточно глуп, для этого», - спокойно поясняет Григорий. – Умным быть, как бы странно это не прозвучало, совершенно не сложно. А вот таким вот полностью отбитым глупцом, вроде тебя, нужно ещё постараться.

- Это вроде как комплимент, что ли? – невозмутимо переспрашивает Платон. – Ну, тогда, спасибо.

- Тогда поясни свою мысль, Плат. Что ты сейчас имел в виду. Почему «омерзительна» и что это такая за «радость»? – Григорий едва пошевелился, чтобы наклонить голову в сторону собеседника.

- Если ты, Гриша, сразу не понял, то и не поймешь, - на этих словах Платон оценивающе смотрит на товарища и, чтобы это его занятие выглядело со стороны более цельно и гармонично, добавляет гримасу сострадания.

- Умеешь ты объяснять! - второй уже раз подряд хвалит его Григорий Светович. - Любо-дорого послушать.

Некоторая пауза. Ощущение притаившейся по углам вечности.

- Хорошо. А нужно ли мне понимать? – продолжает Григорий.

- Суть твоего вопроса: "Кто я такой?" - осторожно замечает Платон.

- Ты так считаешь? - вопрошает Григорий.

- Нет. Я так вижу, - поясняет Платон. - Так тебе ещё нужен ответ?

- Конечно, я же человек, - глубокомысленно отвечает Григорий.

- В том, что ты "человек", Гриша, как раз и заключается некоторая сложность, - Шелепихин прищуривается. – Отвлекись как-нибудь от этого. В базу сразу не подгружай.

Друзья молчат. Платон старается не мешать, Григорий "не подгружать". Долго ли, коротко ли. Зашевелились.

- Начальник звонил, Плат. Просил нас с тобой по приезду к нему зайти. Затем я и пришёл. Сказать это, - Григорий Светович пожимает плечами, предвосхищая очевидный вопрос. - Не знаю зачем.

- Что-то не так с данными? - со стороны Платона это было скорее рассуждение вслух. - Может ли то, чем мы забиваем

приёмники кого-то разочаровать? Или может мы не достаточно близко подошли к Стрельцу в прошлый раз?

- А что ей будет, Платон? Цифра, она и есть цифра. Если сигнал сильный, парсек-другой роли не сыграет. На орбиту вышли? Вышли. Что ещё может от нас зависеть? - Григорий чешет голову. - "Разочаровать" - ты говоришь? Это что-то новое в науке. Может, диссертацию на эту тему напишешь? Мы же просто "грузчики", Платон. От нас ничего не зависит.

- Как глубоко ты копаешь, Светович! - восхищается Шелепихин. - Вроде как: "Быть или не быть?" - так ты сказал? Зависит или не зависит... Вот в чём вопрос. Признаюсь, я над этим раньше не думал.

Григорий Светович улыбается, давая своим видом понять, что не против, когда его считают мудрецом, но тем не менее, справедливости ради, он считает, что это не так.

- Ну, до философа, Плат, мне далеко, конечно, но рядом я бы постоял.

- Ладно, - подводит итог Шелепихин. - План такой... С космопорта скачем домой, спим, моемся, кофе, блины, а завтра с утрачка тогда давай встречаемся у шэфа. Часов в 12, например. Лады?

- Ты меня не понял, Шелепихин, - строго глянул на того Трещёв, - машина уже ждёт. Понимаешь? Как только приземлимся, сразу и едем. И даже не думай отказаться. Лексе-

ич сказал: "Сразу... Сразу ко мне".

- Охренеть, - восклицает Платон и в недоумении откидывается на спинку стула. - Что за дела?

Трещёв умудряется ответить молча. Так, что у Платона пропадает не только текущий вопрос, но и ещё парочка других. Однако, несмотря на данное обстоятельство, неизменно сидящая в каждом человеке жажда познания рождает в его пытливом уме слабую, но настойчивую попытку разобраться.

- Гришаня, а что... Не слышно? В тех банках, что мы набрали уже за несколько экспедиций, ничего ещё не расшифровали интересного? - Шелепихин пытался ухватиться за соломинку. - Забавно, в Минцифре вообще видят смысл в получении от нашей Дыры таких колоссальных объёмов данных? Чем это можно обработать? Каким образом можно в этой куче что-то выделить одно, чтобы хоть что-то получить на выходе?

Оба синхронно вздыхают, понимая, что наука в целом дело тонкое и никогда толком не ясно до конца, что нужно делать, а что нет.

- А я вот посмотрел бы глубже, - замечает Григорий, - зачем вообще нужно вполне себе аналоговый сигнал от нашего

Стрельца преобразовывать в цифру? Мы ведь таким образом сами заменяем и дробим целое на пиксели и биты. А потом пытаемся годами и сотнями лет собрать эти пазлы. Собрать то, что сами нарезали мелкими кусочками. Загадка цивилизации.

- А как же иначе? - Платону интуитивно хочется согласиться с другом, но бытие определяет сознание. - Да, всё нужно дробить, разбирать на куски. Мы не можем иначе ничего познать. Но, да, мне тоже это не даёт, признаюсь, покоя. Хотя, строго по факту, у нас (прим. у людей) ведь всё получается, как будто. Наука идёт вперёд, обживаем новые миры. Вот уже и до Чёрной дыры добрались. Может чего и тут получится.

- Вот я и говорю, - вторит товарищу Григорий, - она как бы бросает нам вызов, давая такие колоссальные объёмы информации, которые мы просто не способны переварить. Человечество должно искать какие-то другие пути или нам придётся признать ограниченность познания, что само по себе неприятно.

- А может это просто мания величия, - подхватил мысль Шелепихин. - Признать, что мы не можем прыгнуть выше собственной головы не так уж и постыдно.

- А разве речь о "нас", Платон? - не унимался Григорий. -

Это же Вселенная познает сама себя, а мы лишь инструмент в её руках. О "нас" вообще не стоит говорить. Мы и есть Вселенная. И думаю, Плат, нас тоже не нужно бы было дробить. Нет никаких «я» и «ты».

- Ну, вот и "договорились", - обрадовался такому повороту дела Шелепихин, - хорошо никто не слышит. Слушай, Гришаня, а может, я не пойду к шэфу? Давай ты один съездишь. Что нам там вдвоем-то делать? Наверняка вопрос пустяковый.

Шелепихин с надеждой смотрит на Трещёва.

- Знаешь что, Платон? Ты просто прими это как неизбежность. Нет другого варианта и все дела, - Григорию добрячком быть совсем не хочется. - Вдвоём-то идти ясно веселее.

- Ладно, уговорил, - нехотя соглашается Платон. - Только давай прикинемся, как ты говоришь, грузчиками... Это не знаю, то не ведаю. Глядишь, быстрее и отпустит... Неизбежность...

Глава 2.

Нельзя держаться за то, чего у других нет.

Земля. Третий институт Цифры имени Георгия Маковкина. Кабинет начальника отдела перспективных исследований Булатова Владимира Алексеевича - непосредственного руководителя миссии "Стрелец А*".

Платон и Григорий, немного помявшись для формы перед дверями, глубоко вздыхают и заходят. Начальник есть начальник - хозяин жизни, что накладывает на общение с другими людьми некоторые хорошо всем понятные особенности.

Булатов размениваться на любезности не стал. Он был человек строгий, но вполне себе адекватный, за что пользовался заслуженным уважением в коллективе.

Не напрягая никого вопросами вроде "Как дела?", начальник едва заметно кивает в знак приветствия и одновременно с тем рукой указывает Шелепихину и Трещёву на длинный ряд стульев, примыкающих к его столу.

Платон выбирает себе стул подальше от "Лексеича", что-

бы было время подумать, пока слова долетят до собеседника - здоровый прагматизм, не более того. Григорий Светович поступает так же.

Ковёр, тишина, осторожное тиканье настенных часов. Ожидание.

- Мы кого-то ждём? - решается подать голос Платон. - А то у меня, Владимир Алексеевич, ещё дела. Ехать надо.

Никаких таких особо дел у Платона, конечно, не было. Но, откуда это кому известно. Сказал - верьте на слово.

Григорий Светович понимающе кашлянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.